

ВЛАДИМИР ЕГОРЫЧЕВ

ВОЙНА: ПОДВИГ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Великая Отечественная война принесла на белорусскую землю огромные бедствия, явилась трагедией для её жителей, поставила соотечественников перед выбором: что делать? Вступать в борьбу с захватчиками? Уклоняться от противоборства и как-то стараться выжить, занимая нейтральную позицию? Идти на сотрудничество с фашистами, в услужение им?

Эти вопросы стояли и перед интеллигенцией¹ оккупированной Беларуси. История свидетельствует: весьма значительное количество её представителей приняло самое активное участие в сопротивлении фашистам, партизанском движении, подпольной борьбе. И на этот счет имеется впечатляющая статистика [1].

Белорусская литература в этом плане имеет свои художественные обречения. Романы военного времени К. Чорного “Млечный путь”, “Поиски будущего”, “Великий день”, поэмы “Адплата”, “Суд у лесе” Я. Коласа, “Сцяг бригады” А. Куляшова, знаменитое стихотворение Я. Купалы “Беларускім партызанам”, повесть “У завіруху” И. Мележа – всё это произведения во многом разные по эстетическим особенностям. Но их объединяет сама идея человека, которого меняющиеся обстоятельства заставили по-новому и не откладывая задуматься над тем, что такое добро и зло, совесть и криводушие, правда и ложь, что такое суть человеческой ответственности в её наивысших проявлениях.

Однако в условиях оккупации проявилось и другое – склонность к коллаборационизму², сотрудничество некоторой части белорусской интеллигенции с фашизмом. Понятное дело, что тотальная жестокость завоевателей, с одной стороны, и инстинкт “выжить любой ценой” – с другой, ставили перед оказавшимися в тех условиях людьми ряд вопросов.

Как быть? Идти сражаться в любом качестве и тем самым способствовать приближению Победы или тихо отсиживаться в тылу, в подвале, в тёплой хате. Или идти в пособники, предатели, полицаи, быть прислугой у проводников “нового порядка”, а потом, спустя годы, получить одобрение “продвину-

¹ Речь пойдет в основном о представителях в среде белорусских литераторов, для которых квалифицированный умственный труд является основным видом профессиональной деятельности и главным источником средств существования.

² Коллаборационизм (от франц. Collaboration – сотрудничество) – сотрудничество определенных лиц с германскими захватчиками в странах, оккупированных в годы Второй мировой войны.

тых” авторов: мол, молодцы, что выжили, несмотря на то, на чьей стороне воевали. Не читали, видно, подобные “философы” произведений нашего Василия Быкова, классиков белорусской советской литературы (последние примеры – публикация в газете “Народная воля” (апрель 2010 г.) статьи “Нябышына. Вайна”, материалы сайта “Белорусский партизан”).

Скользкая эта тема, тяжелая и неблагодарная: трудно избежать в дискуссии об оценке коллаборационизма политической ангажированности.

Значительной разработанности этого направления в белорусской исторической науке мы обязаны прежде всего заместителю заведующего отделом военной истории и межгосударственных отношений Института истории НАН Беларуси Владимиру Кузьменко, перу которого принадлежат 5 монографий и около 100 публикаций в печати. В то же время на повестке дня перед исследователями стоят многоаспектные вопросы деятельности интеллигенции, выявленные в годы войны в полной мере двумя течениями: коммунистически-просоветским и национально-пронемецким, “оба из которых в своих пропагандистских материалах считали себя патриотами” [2].

В изучении темы определенный интерес представляют труды изданных на Западе и у нас белорусских эмигрантов [3].

Скажем сразу: неприемлемо “новое прочтение” коллаборационизма в Великой Отечественной войне, когда из людей хитрых, лицемерных и алчных, добровольно ставших на службу к врагу, вдруг лепят “совесть нации”. Такая история никого и ничему хорошему не научит. Ведь время иуд и негодяев не прошло, а “демократизация” и “плюрализм” подвели к тому, что сегодня предателем быть не стыдно (по меркам “нового мышления” – дело обыкновенное).

Дело в том, что все, кто стал на путь реабилитации “своих” коллаборационистов, сотрудничавших в годы войны с вермахтом, гестапо и СС, дуют в одну примитивную дуду. Дескать, они – латышские, литовские, эстонские националисты – были на самом деле не убежденными фашистскими головорезами, а борцами за свободу, которые вместе с доблестными немцами сражались против “сталинского” СССР. К глубокому сожалению, такие же мотивы можно слышать и от “идейных борцов” против большевизма в Беларуси, где погиб каждый третий. Некоторые “новые” историки и публицисты красноречиво убеждают самих себя, что эсэсовец Франц Кушель тоже воевал против белорусов за... Беларусь. Потом, дескать, после победы идей Акинчица и Островского, он обязательно направил бы оружие против немцев. Оригинальный ход мысли...

По мнению М. И. Семиряги, “коллаборационизм советских граждан был порожден не столько симпатиями к фашистской идеологии и гитлеровской Германии, сколько теми социально-политическими и национальными условиями в СССР, которые были созданы сталинским режимом... При этом в поведении части коллаборационистов не исключались, разумеется, честолюбивые и карьеристские мотивы, а также чисто психологические причины: страх перед жестокостью фашистов, стремление защитить и спасти свои семьи, просто выжить в немыслимо тяжелых условиях оккупации. Именно в этом состоит специфика истоков коллаборационизма в Советском Союзе в отличие от других европейских стран, где часть населения поддерживала нацистские лозунги об их “расовой близости” (Дания, Норвегия), о “новой Европе” и некоторые другие” [4]. Выводы небесспорны. Но бесспорно, что изучение форм и проявлений коллаборационизма, борьбы против него будет способствовать успешному разоблачению и политической изоляции современных коллаборационистов.

Во главе белорусского коллаборационизма оказалась часть старой (не признавшей решений 2-й Белорусской национально-политической конференции о прекращении существования правительства БНР и признании Минска единым центром национально-государственного возрождения Белоруссии (Берлин, октябрь 1925 г.) – **В. Е.**) эмигрантской интеллигенции. С приходом в Германии к власти Гитлера определенные круги эмиграции сделали на него ставку, надеялись на немецкую поддержку в деле борьбы за белорусскую антикоммунистическую государственность. В июне 1939 г. в Данциге под опекой фашистов состоялась конференция представителей ряда белорусских эмигрантских центров. Решения, принятые на конференции, требовали усилить борьбу против СССР. В созданное “Беларускае бюро даверу” при Министер-

стве внутренних дел Германии вошли эмигрантские лидеры – Акинчиц, Шкеленок, Шкутко, Годлевский и др. Это было своего рода “белорусское правительство” в Берлине. При нём с лета 1940 г. начал действовать “Беларускі камітэт самапомачы” с филиалами в Варшаве, Праге, Вене, Лодзи¹. Вскоре эта группа эмигрантской интеллигенции начала издавать в Берлине газету “Раніца” [5].

В помощь немцам готовились материалы о Беларуси – её истории, языке, культуре, быте, обычаях, данные об экономике, природных богатствах, путях сообщений, социальной и политической ситуации. Для немецких солдат и офицеров было выпущено несколько немецко-белорусских и белорусско-немецких словарей, справочников. Гитлеровцы, со своей стороны, привлекали эмигрантские кадры к спецподготовке для использования на захваченной территории. Так, в лагере Вустрау в Германии были организованы для белорусов курсы пропагандистов и переводчиков. Выпускники курсов предназначались для работы в оккупационном аппарате после захвата Беларуси [6]. Я. Найдюк так описал предвоенные контакты и взаимодействие белорусских нацистов с немецкими: “Перад самай вайной у 1939 г. у Бэрліне з’явіўся правадыр беларускіх нацыянал-сацыялістых Фабіян Акінчыц (один из лидеров Белорусской национал-социалистической партии, созданной в Западной Беларуси в начале 1930-х годов. – В. Е.) Ён шукаў у Нямецчыне помачы для беларусаў у змаганні супраць польскае і бальшавіцкае няволі і здзекаў. У выніку гэтага наладзілася супрацоўніцтва беларускіх нацыянал-сацыялістых з нямецкімі дзейнікамі. Супрацоўніцтва гэтае у часе намецка-польскай вайны выявілася ў тым, што шмат беларускіх нацыянал-сацыялістых памагалі немцам у змаганні з палякамі” [7]. Один из лидеров Белорусской Христианской демократии (БХДП) ксёндз Винцент Годлевский 22 июня 1941 г. выступил по радио из Берлина. Он призвал население Беларуси к борьбе против советского режима, поддержке вторгнувшихся немецких войск, “освобождению белорусской земли от большевизма”. И не только он один. И. Косяк в этой связи в книге “Беларусь учора і сёння” отметил: “Нямецкая радыёстанцыя “Вінэта” з Кёнігсбэргу, Усходняй Прусіі надавала радыёпраграмы да народаў СССР на іх мовах, заклікаючы да барацьбы з бальшавізмам. Беларускі ўдзел быў вельмі актыўны ў гэтай працы” [8].

Из статей, которые были опубликованы в конце 30-х годов в журнале “Беларускі фронт” – “О самоопределении народов”, “Народ и нация”, “О славянской идее”, “Потребность национальной идеи”, “Что такое национализм”, “На оси Токио – Берлин”, видно, что в кругах белорусской эмиграции широко пропагандировались основы белорусской государственности и независимости. Но, как показали дальнейшие события, **надежды эти были обречены на провал**. Тогда стоит ли в свете известных фактов утверждать, как считает нужным это сделать один из маститых историков Республики Беларусь, что “НИКТО ИЗ НИХ (борцов за независимое белорусское государство. – В. Е.) НЕ ЗНАЛ ИСТИННЫХ ПЛАНОВ ГИТЛЕРОВСКОГО РУКОВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ НАРОДОВ СССР, КОТОРЫЕ БУДУТ ОККУПИРОВАНЫ ФАШИСТАМИ” (выделено нами. – В. Е.). И далее: “Не потому ли, помня немецкую оккупацию 1918 года, они надеялись использовать опыт Белорусской Народной Республики? Тем более, что многие из них были участниками тех событий” [9]. Резонный вопрос: опыт несостоявшейся БНР, без опоры на народ, в сотрудничестве тогда ещё с теми немцами, ничему не научил? Тем паче, что, по признанию учёного, “правительство третьего рейха имело свои виды на будущее устройство захваченных территорий”. Вызывает возражение и следующий пассаж: “Вопреки истине в советской историографии прочно закрепился миф о том, что, готовясь к войне против СССР, с первых дней войны немецкое руководство делало всё возможное, чтобы вбить клин между народами СССР, создать так называемую “пятую колонну” – “марионеточные правительства”.

На самом деле этому фактору гитлеровцы не придавали фактически никакого значения” [10]. Насчет “марионеточных правительств” можно согласиться. А вот по поводу “вбить клин между народами СССР” – документы и факты говорят сами за себя.

¹ Уже после войны Р. Островский признал в сообщении для одной из западных разведок, что работа этих “белорусских комитетов” финансировалась гестапо. В печати его признание было обнаружено американским исследователем Дж. Лофтусом, издавшим в 1982 г. в Нью-Йорке книгу “Секрет бригады “Беларусь”.

Среди лидеров белорусского национального движения, как свидетельствуют архивные документы, не было случайных персонажей. Вся его верхушка – в большинстве своём образованные люди, многие из которых имели хорошее дореволюционное или же европейское образование. Например, Борис Рогуля, который командовал белорусским эскадронам СС, закончил в Бельгии Лювенский университет; далее Радослав Островский, президент Белорусской Центральной Рады, с отличием закончил полный курс Петербургского университета; Наталья Арсеньева была студенткой гуманитарного факультета Виленского университета; Станислав Станкевич, заместитель президента БЦР по Барановичской округе, закончил Виленский университет, защитил диссертацию по польской и славянской филологии; руководитель отдела культуры БЦР Евгений Колубович, впоследствии из-за боязни быть выданным советским властям за активное сотрудничество с фашистским режимом сменивший фамилию на Кохановский, закончил Минский педагогический институт (с 1947 г. – премьер-министр и министр иностранных дел правительства БНР). И этот список можно продолжать.

Практически вся верхушка белорусского национального движения владела немецким языком. Это не оставляло сомнения в том, что *она была прекрасно информирована о планах Гитлера на оккупированных территориях*. И не только информирована. В архивах сохранились письма лидеров белорусского нацдвижения, адресованные лично Гитлеру. Так, в письме председателя Рады Белорусской Народной Республики Василя Захарки, датированном 20 апреля 1939 г., на имя его Превосходительства вождя немецкого народа от имени всего белорусского народа выражалась надежда на его всяческую поддержку: “... белорусский народ глубоко уверен в том, что скоро наступит такой момент, когда он получит помощь в своей борьбе. Будет ли эта поддержка в виде революции или войны или в виде помощи иностранных государств... белорусский народ всё равно с благодарностью примет”. И далее: “Будучи убежденным в том, что какие бы события ни разыгрались в Европе, Германская нация будет всегда играть в них первую роль, я покорнейше прошу Ваше Превосходительство соблагволять иметь в виду законные стремления шестнадцатимиллионного (?! – В. Е.) белорусского народа” [11].

Вот ещё документ из личного дела председателя Комитета белорусской самопомощи в Праге Ермаченко, который так описывает реакцию белорусских организаций по поводу нападения Гитлера на СССР: “Пачатак вайны Нямецчыны з Саветамі горача сустрэлі беларускія арганізацыі. Д-р Ермачэнка інфармаваў прысутных аб вялікіх падзеях, што пачаліся ў гэты гістарычны дзень і выказаў “упэўненасць, што сіла нямецкае зброі зломіць бальшавіцкае ядро”. А 27 июня 1941 г. белорусские организации, собравшиеся в Праге на свой сход, приняли специальную резолюцию: “Бачачы, што вялікі правадыр нямецкага народа Гітлер павёў сваю непераможную армію на ўсход Еўропы... мы, беларусы, на сваім агульным сходзе ў Празе 27.06.41 г. паставілі выказаць канцлеру Нямецкай імперыі і Яго непераможнай нямецкай арміі найлепшыя пажаданні ў справе знішчэння нашага агульнага ворага. Каб дапамагчы ёй у гэтай вялікай і адказнай працы, беларуская калёнія паставіла прынесці на алтар нашае супольнае справы тое, што яна ў сваіх скромных умовах можа зрабіць” [12].

Когда анализируешь документы, которые принимались белорусскими националистическими организациями по поводу нападения гитлеровской Германии на СССР, ощущаешь ту эйфорию, которая присутствовала в этой среде. В надежде на сотрудничество с нацистами эта категория белорусов, по всей видимости, пыталась вписаться в общую концепцию расового превосходства, которая лежала в основе фашистской идеологии. Она ощущала себя элитой по отношению к белорусским рабам. А то, что белорусский народ был обречен на уничтожение, а ограниченная его часть должна была быть обращена в рабов, лидеры так называемого национально-освободительного движения (как, впрочем, и их сегодняшние доморощенные адвокаты в лице историков “новой хвалі”) НЕ МОГЛИ НЕ ЗНАТЬ.

Ещё в конце 30-х годов белорусскими организациями велась работа, как свидетельствуют документы из личного архива того же Василя Захарки, по созданию “Галоўнага беларускага нацыянальнага цэнтра з мэтай узгаднення дзейнасці ўсіх беларускіх нацыянальных арганізацый за мяжой, таксама і з мэтай адпаведнага нацыянальнага ўзгадавання беларусаў”. С какой целью – ясно из вышеприведенных документальных свидетельств.

Американский юрист Джон Лофтус в уже упоминаемой нами монографии “Секрет бригады “Беларусь”, в которой расследует преступления коллаборационистов, приводит данные о том, что практически 90% верхушки “белорусской элиты” входило в состав айнзатцгруппы “Б”, т. е. карателей. ОНИ ЗНАЛИ, ЧТО ДЕЛАЮТ И В КАКИХ ЦЕЛЯХ, а главное – ЗА КАКУЮ ПЛАТУ. Для слабых памятью следует напомнить о получении “элитными” белорусами зарплаты не в оккупационных марках, а в рейхсмарках (каждая из которых равнялась 12 оккупационным маркам), которая соответствовала зарплате министерского чиновника в Германии; сказать о том, что господу Кушель, Арсеньева, Островский и иже с ними получали ежедневный паёк, куда входили хлеб, масло, бульоны, жир, соль, сахар, крупы и даже кофе – и он был больше, чем паёк советского офицера на передовой.

Из интеллигенции, лиц с образованием формировался контингент бургомистров, сотрудников городских управ, других учреждений вспомогательного управления, хозяйственных органов, подконтрольных оккупантам. Наверное, трудно сегодня до конца разобраться – что преобладало в верхушке коллаборации, организующей группе коллаборантских активистов: действительный национальный идеализм, фанатизм “белорусского дела” или всё же подконтрольность немецким спецслужбам, “зомбированность” ими. Но, думается, сделавшим ставку на фашистскую Германию *хотелось попасть в её союзники и благополучно жить под её опекой в “Новой Европе”*. Однако, повторимся, у верховных вождей рейха, у Берлина были свои соображения об устройстве захваченных территорий, и белорусскую коллаборацию они брать в союзники не торопились, несмотря на поражения на фронтах. Опираясь в “освобождении” своего народа от России и Польши, претендуя представлять весь белорусский народ, эта в целом немногочисленная интеллигентская группа “зашоренно не видела, что весьма значительная часть белорусского народа “заболела” и ещё “не переболела” советско-социалистической идеей, что БССР создавалась не только Москвой, но и порывом социальных низов Беларуси, местными социалистами, ставшими под коммунистические стяги (коллаборантами были позабыты или не упоминались Белнацком, Д. Жилунович с А. Червяковым, другие их соратники – белорусы, стоявшие у истоков государственности БССР), что коммунистическая идея (возвышенно поданная и возвышенно воспринятая) владела широкими слоями людей, сражавшихся против фашизма под оккупацией, на фронтах” [13].

В этой связи уместно привести саркастические наблюдения аналитиков из немецкой полиции безопасности и СД, сделанные в апреле 1943 г.: *“К группе “правых”, которая предана Германии и без компромиссов видит своё будущее только в покровительстве со стороны Германии, принадлежит незначительная часть белорусской интеллигенции. Эта группа... уже так связала себя с немецкой политикой и кажется в глазах другого местного населения в такой степени падшей, что она должна связать свою судьбу с Германией на веки вечные. К ней присоединяется... небольшая группа интеллигенции, которая до сих пор объединялась в “Белорусской народной самопомощи” и которая в последнее время, используя сложившуюся обстановку, выражает свои претензии на автономию. Для этой последней... характерно, что она, несмотря на предполагаемое единство её взглядов и желаний, не является сплоченной руководящей группой всего белорусского народа, а является смешанным пёстрым объединением различных характеров, неудавшихся горе-политиков (отчасти эмигрантов) и идеалистов с демократическими склонностями... В то время как партизанское руководство имеет в своем распоряжении сильных сторонников, эти “антибольшевистские представители белорусского народа” до сих пор не могли установить связь с широкими массами”* [14].

Чуть раньше, в январе 1943 г., этими же немецкими спецслужбами, анализировавшими деятельность “Белорусской народной самопомощи”, констатировалось: *“Настроение местных кругов интеллигенции, работающих непосредственно в немецких учреждениях или находящихся под немецким контролем... с самого начала не оказывало никакого влияния на широкие массы населения, так как высшие слои и руководство БНС не пользуются уважением у белорусского населения. В самом руководстве БНС всё более заметны растущая неуверенность, взаимное недоверие и упреки в политической безответственности”* [15]. Остряки из центрального аппарата БНС так расшифровывали название своей организации: “Бяры Найлепшае Сабел!”

Вполне очевидно, что влияние коллаборационистов среди населения не увеличивалось и в последующем, ибо оккупированный народ воспринимал их не иначе, как пособников завоевателей, с которыми, как и с основным врагом, следует бороться. Способствовала этому ФАШИЗАЦИЯ коллаборации. В своих изысках коллаборационистские теоретики, литераторы, публицисты тесно смыкались с нацизмом. В “Беларуской газэце” открыто высказывались мнения о том, что идеологическим фундаментом консолидации белорусов должен стать национал-социализм. Эти позиции широко пропагандировались. Вот что заявлял, обращаясь к своим соратникам, председатель профашистской БНС Иван Ермаченко: “Вы – прадстаўнікі беларускага народу не павінны ісці на паваду народа, а наадварот, весьці народ туды, куды вы гэта знойдзеце за найлепшае!” [16]. 5 октября 1941 г. некий А. Бульба писал в “Менской газэце”: “Наогул кажучы, нам не стае нацыянальнага фанатызму. Ня будзем палохацца гэтага слова, – толькі нацыянальная палкасць у змаганні, толькі нянавісьць да ворагаў могуць спарадзіць тую сілу, якая ў злучнасці з натхнёнай працай стварае будучыню”. “Вы занадта блізка бераце да сэрца чужое гора”, – воспитывал земляков этот автор.

В данном случае “нацыянальная палкасць” А. Бульбы преследовала вполне конкретную цель – склонить белорусский народ к одобрению развернувшейся в те дни гитлеровской кампании по уничтожению лиц еврейской национальности. А. Бульба декларировал: “Трэба назаўсёды ўясыньць сабе, што жыд – ёсць жыд, і ў кожным жыдзе змяшчаецца ў патэнцыі ўсё тое агіднае, чым спрадвеку славіцца гэты народзец, будзе жыд камісарам, або шклярам, камуністам, ці не камуністам. Жыды – справдвечныя і заклятые ворагі арыйскіх народаў” [17].

Для авторов “белорусской” оккупационной прессы (а подобных изданий выходило до 50) была характерна поистине фанатичная ненависть к России и к русскому народу. Один из лидеров белорусской фашистской партии Владислав Козловский в статье “Хто з Менску гаворыць па-расейску” утверждал: “по-русски в Минске говорят только старики, замаскированные евреи и люди с рабской психологией”. Но это ещё не всё. По мнению Козловского, говорить и писать по-белорусски “не навучыўся той, хто быў і ёсць ворагам беларускага народу” [18].

Как и современные белорусские националисты, их коллеги из 40-х годов стремились доказать, что белорусский народ ничего общего не имеет с русским. Некий В. Аганёк в статье “Раса і народ” уверял, что белорусский народ принадлежит к арийской расе – расе господ. Этот опус опубликовала “Беларуская газэта”, № 77 за 17 октября 1942 года.

“Арийская” оккупационная пресса была полна материалов, прославлявших Гитлера и гитлеровскую армию, призывавших белорусов сражаться за гитлеровскую “Новую Эўропу”: “Адольф Гітлер павінны быць пэўны, што да вытрывалое страннасці ўсіх творчых беларускіх сілаў... У сьвядомасці гэтага мы, беларусы, дня 20 красавіка ў гадавіну народзін Правадыра Адольфа Гітлера поўныя ўдзячнасці, становімся пры баку нямецкага народу”; “Моц слаўтай нямецкай арміі зламала бальшавіцкія краты. І народ наш вольна ўздыхнуў. Таму будзе вечна жыць слава і ўдзячнасць нашага народу – збаўцы ад уціску, вызвольніку народаў сусвету – Адольфу Гітлеру” [19].

Белорусские националисты – авторы оккупационных изданий – стремились создать и возвысить положительный образ полицейского-карателя, всячески клеветали на белорусских партизан, призывая к расправе над ними: “Ужо адважна змагаюцца з імі беларускія батальёны самааховы, беларускі батальён СС, батальёны беларускай паліцыі, беларускія чыгуначныя батальёны” (“Новы шлях”, № 1 за 1943 г.); “Шмат беларускіх сыноў пайшлі ў шэрагі аддзелаў СС, самааховы, 1-ай Добраахвотнай арміі, ахвяруючы сваё жыццё, весьці змаганне з агульным ворагам чалавечтва – бальшавізмам” (там же, № 22).

В газетах помещались панегирики в честь коллаборантских вооруженных формирований, победные репортажи об их “успешной” борьбе с партизанами. С. В. Жумарь, в частности, как пример этого отмечает серию очерков “З дзённіка беларускага СС” в газете “Голас вёскі”. Коллаборантских журналистов, редакторов изданий специально обучали. По приглашению А. Розенберга в мае 1943 г. был налажен визит делегации белорусских газетчиков в Берлин. В. Козловского, Н. Арсеньева, А. Сенкевича, Г. Козака, В. Шишко принимали на официальном уровне в “Немецком Иностранном Клубе” чинов-

ники из Министерства оккупационных восточных областей и Министерства пропаганды. Была налажена учёба, дано разрешение на публикацию путевых очерков каждым участником поездки [20]. Отдел пропаганды Генерального комиссариата “Беларусь” обычно раз в две недели издавал для коллаборационистских пропагандистов информационный бюллетень, содержащий материалы для докладов, тезисы и т. п. [21].

Только с немецкого разрешения можно было работать на ниве просвещения. Оккупационные власти с осени 1941 г. ввели обязательное школьное обучение и пригрозили, что “каждое большевистское влияние, которое исходит из школы, будет караться смертью”, ибо подрастающая молодежь Беларуси “должна быть возвращена в духе Новой Европы под руководством Адольфа Гитлера” [22]. В учебный процесс пытались внедрить переводные материалы из германских фашистских школьных учебников, в том числе фашистский расовый бред. Всю советскую учебную литературу предписывалось сдавать районному бурмистру. Нарушителей этого приказа Кубе (“О запрете использования советских и старых польских учебников в школе”. – В. Е.) ждало увольнение из школ и “другие наказания”. Для тех, кто сомневался, В. Кубе акцентировал в заключительной части своего распоряжения вышеуказанное наказание. Вот такая “беларушчына”, воспеваемая литературными коллаборантами тех грозных лет и их нынешними подголосками из числа “свьядомых”...

Примечательно, что борьбу против гитлеровских оккупантов и их пособников из числа белорусских националистов, которую вели советские патриоты, сами “спадары” именовали “антибелорусской деятельностью”. А нынешние?

Германия-“освободительница” пропагандой подавалась как опекунка муз, искусства, культуры. Тактической уловкой была и “пробелорусская деятельность” гауляйтера Кубе, не менявшая сути долговременных планов порабощения и истребления белорусского народа. Разрешалось литературное творчество, хотя политику привносили и сюда. “Управлять культурой” стремились через созданные специальные органы. Сначала была попытка организации “Беларуской культурной Рады”, так и не признанной официально немцами. В начале 1944 г. провозглашено создание “Беларусага культурнага згуртавання” во главе с Е. Колубовичем. Руководителями отделов БКЗ были назначены: музыки – Н. Щеглов-Куликович, пропаганды белорусской культуры – В. Дудицкий (Гутько), литературы – Н. Арсеньева, краеведения и музеев – А. Шукелойть, редактором организуемого толстого литературно-художественного журнала “Узвышша” – Ю. Витьбич (Щербаков) [23].

После гибели руководителя Генерального округа пришедший ему на смену К. Готтберг продолжил тактическую линию своего предшественника: с одной стороны – жестокие расправы с патриотами, а с другой – точно отмеренные уступки интересам государственников от белорусской коллаборации. Это встречало признание со стороны последних, что выражалось, в частности, в усилении печатной пропаганды со страниц коллаборационистских изданий.

Фашистские холуи упрямо продолжали связывать в своих “произведениях” судьбу белорусского народа с судьбой его поработителей. Так, в январском номере “Пагоні” была напечатана речь президента ЦБР Островского, где тот сказал, что в отношениях с немцами наступала “новая эра”, “няма большае” “нас” і “вас” – ёсць “мы” (“Пагоня”, 1944, 29 студзеня). Газета русских коллаборационистов “Новый путь”, издававшаяся в Барановичах, пытается обосновать необходимость союза с Германией той смертельной опасностью, какую будто несёт белорусскому народу Красная Армия. Чтобы это было убедительней, публикуется выступление некоего капитана Капоры на собрании в Барановичах. Название этого материала говорит само за себя: “Московский план истребления белорусов”. Абсурдность данных, содержащихся в нём, очевидна. Чего стоит утверждение, что все дети до 14 лет на освобожденных территориях Беларуси “отнимаются у матерей и помещаются в детдома НКВД” (“Новый путь”, 1944, 11 марта)¹.

¹ Тема нацистской антисоветской пропаганды на территории Беларуси подробно рассматривается в кандидатских диссертациях С. В. Жумаря и Г. А. Болсун, ряде статей в периодических изданиях. Исследователи приходят к выводу, что если немецкий агитпроп и мог выставить СССР в военном плане “колоссом на глиняных ногах”, то лишь на досталинградском этапе войны. В дальнейшем же и его ригидность и тенденциозность сослужили не лучшую службу в борьбе за сознание населения.

В периодических изданиях публиковались литературные произведения Н. Арсеньевой, Л. Гениюш, А. Соловья, М. Седнева, В. Клишевича, Л. Случанина, Т. Лебеды, начинающих авторов – даже в этих обстоятельствах, согласимся, способности и талант жили в людях [24]. Другое дело, на что они были направлены. Объясняя “литературный коллаборационизм” белорусских авторов, В. И. Кузьменко, ссылаясь на “суровую реальность войны”, которая привносила в “творчество свою окраску”, соглашается: “Н. Арсеньевой приходилось писать тексты для военных маршей коллаборантских формирований (“Беларусь – наша маці – краіна”, “У гушчарах”) [25]. По мысли С. В. Жумаря, в коллаборантской среде “как поэзия, так и проза представляли собой довольно пёструю картину, в которой соседствовали действительно художественные произведения с дешёвыми пасквилями и литературными агитками “на злобу дня”. Сосредоточиться на чисто литературном труде, интеллектуализме, “убеждать”, уклониться от политики, закрыться в творчестве, как в “башне из слоновой кости”, даже при желании в тех обстоятельствах было практически невозможно (выделено нами. – В. Е.). Пером водило не только вдохновение, но и память о пережитом и виденном, идеологическая закомплексованность, конформистские устремления, принадлежность к определенной среде, кругу. И пресловутый политический подтекст выплескивался, вырывался” [26]. Следует иметь в виду, что в среде работавших на немцев и коллаборантскую идею попадали разные люди – и с наивной национально-возвышенной направленностью, и авантюристы, и те, кто запутался, и хитрые приспособленцы, желавшие хорошо устроиться при любой власти.

Действительно, ушли недобрые времена, когда учителя, врача либо рабочего, оказавшегося на оккупированной территории и ради куска хлеба для детей пошедшего на работу, объявляли “врагом”. Но и сегодня не надо забывать про то, как писатель Седнев в 1944 году (!) перебрался в Белосток и издавал там вполне нацистскую газету, звавшую к крови и расплатам. Неправильно из него сегодня делают жертву обстоятельств. *Его выбор был вполне осознан*. Точно так же, как и Витьбича, и Акулы, и даже юного Кита, который с большой радостью пошел служить во вспомогательные части люфтваффе и подвешивал бомбы к “юнкерсам”, летавшим бомбить Лондон.

Сейчас, на склоне лет (100 уже!) о данной странице своей биографии этот американский пенсионер, надо думать, благоразумно помалкивает, поскольку удачно скрыл правду в 1945 году...

Фамилия Арсеньевой в особом конферансе не нуждается. Как и то, что пик её литературной деятельности пришелся на самые черные годы истории Беларуси, оккупации Минска немцами и т. д., а ренессанс, после многолетнего эмигрантского молчания в США, – на начало 90-х. Об этом написано очень много, вряд ли стоит повторяться. Достаточно прочесть статью “Без гнева и пристрастия” (без авторства. – “Советская Белоруссия”, 2010, 22 января). Читаем в ней же: “Важно понять другое. Как всего лишь за год до начала войны и своих последующих литературных, политических и жизненных перипетий сочувствовала тонкая поэтическая душа Наталья Арсеньевой “памяти Ленина”?

Но не спешите, друзья, бросаться на защиту Натальи Арсеньевой, выискивая затасканные “аргументы” вроде того, что её “заставили”, “принудили” или что-то в том же духе, – и тогда, и впоследствии Арсеньева тысячу и один раз гневно отвергала подобные домыслы и гордо заявляла, что “её Муза всегда свободна”... Тем более что она прекрасно знала нравы НКВД, тесно сотрудничала с “органами”, которые через несколько месяцев после написания стихов о Ленине и других “вождях”, несмотря на заступничество западно-белорусских коммунистов, сослали Арсеньеву в глухие края... Да и СД ничего не навязывала и ничего не обещала – даже не обеспечила в Минске безопасность сына... Такова участь этой песчинки, оказавшейся в эпицентре вулкана войны...

Но вряд ли уместно будет хватать булыжник и бросить его в бесплотную тень поэтессы...” [27].

Каково, читатель?! В общем – “Муза всегда свободна!” Вот такая “змаргарка за нациянальнае адраджэнне” в любой период творческой жизнедеятельности. Не ведала, что творила?! Не пример ли фарисейского, иезуитски изощренного либерального обмана – попытка поднять на щит пани-фрау Арсеньеву? К сожалению, и здешние национал-демократы, и их друзья из так

называемых белорусоведов Москвы и Санкт-Петербурга хотя превратили прислужницу гитлеровцев в белорусскую национальную героиню. Главного политического цензора Генерального комиссариата, награжденную фашистской медалью “За службу рейху для восточных народов” аж III степени. Ту, которая в июне 1942 г. на торжественном заседании “Белорусской Народной Самопомощи” как председатель женского комитета БНС от имени белорусских женщин вручала палачу белорусского народа гауляйтеру Кубе герб “Пагоня” и букет цветов...

Народный поэт Белоруссии Максим Танк, знакомый с Арсеньевой и её творчеством ещё в довоенное время, встретившись с нею в 1937 г. на одном из литературных вечеров, так описал свои впечатления: “Наогул я — не прыхільнік яе паэзіі, хоць некаторыя яе вершы, прачытаныя на гэтым вечары, мне спадабаліся сваім лірызмам, вобразнасцю. Трэба прызнаць, што са сваіх інтымных пацуючых яна ўмее вязаць прыгожыя карункі. Я заўважыў, што сярод прысутных шмат было сватоў, якім хацелася, каб паміж намі завязалася нейкая творчая дружба. Няўжо яны не бачаць, што мы — людзі рознага складу, розных поглядаў? Выпадкова сустрэліся і не ведаю, ці сустрэнемся больш калі. Дарогі нашы разыходзяцца ў праціглых напрамках” (М. Танк. Лісткі календара).

Писатель и литературный критик В. Колесник, один из авторов книги “Я з вогненнай вёскі” о зверствах фашистов и их белорусских пособников во время Великой Отечественной войны, говоря о литературе Западной Беларуси, называет Арсеньеву-Кушель талантливой поэтессой, которая “увасабляе... трагізм, зніжаны, замуцнёны памылкамі і зігзагамі ў палітычнай арыентацыі ў гады вайны...”

“У 30-я гады, калі абвастрылася сацыяльная канфліктнасць, апалітычнасць Арсеньевой перастала ўспрымацца як нявіннае жаночае какецтва інтэлігенткі, а выглядала дэманстрацыяй ухілення ад праблем беларускага вызваленчага руху левых сіл еўрапейскай інтэлігенцыі”. Такую характеристику дает В. Колесник Арсеньевой довоенного периода, поэзия которой уже подвергалась категорической критике. И вот наступает 1941 год. В. Колесник пишет: “А далее сталася тое, пра што цяжка і гідка пісаць” (цит. по: Доморад К. Кому нужно такое наследство? — Советская Белоруссия, 1990, 14 сентября). Невольно вспомнились слова Иоанна Кронштадского, который ещё в 1906 г. говорил: “Не стало у интеллигенции любви к Родине, и она готова продать её инородцам, как Иуда продал Христа злым книжникам и фарисеям”.

Архивные документы свидетельствуют: именно Арсеньева выдала минского подпольщика Костю Немчика, который по приговору партизанского суда расстрелял гитлеровского холоуя, редактора “Беларуской газеты” антисемита Козловского. Костя Немчик был заживо сожжен в тюремной камере минской полиции. Известна и публиковалась в печати радиogramма партизанскому отряду “Мстители” с приказом захватить для суда Кушеля (муж литераторши; до войны — штатный и платный осведомитель НКГБ “по выявлению врагов народа среди писателей БССР”, при немцах — начальник полицейской школы. — В. Е.) и Арсеньеву как главных предателей, а в случае невозможности их захвата живыми — уничтожить [28]. Такова была гражданская и нравственная позиция поэтессы Арсеньевой — Кушель. И даже после разгрома Третьего рейха она, живя в Берлине, Регенсбурге, Алеберге, Мишельсдорфе, надеется ещё вернуться с кушелевской бандой в Белоруссию (“Не плачце”, “Мы вернемся дамоў з адкрытай галавой і з сонцам у душы”). Она остается верна себе, своим “идеалам”, идеалам БЦР.

Правительство БССР ещё в 1947 г. требовало выдачи фашистских преступников и их пособников, которые совершили преступления “на временно оккупированной территории Белоруссии” и скрывались в лагерях для перемещённых лиц. Представитель БССР при ООН располагал списком военных преступников, среди которых первым числился Ф. Кушель. Упоминалась там и его жена Н. Арсеньева.

Получив визы на въезд в США незаконным путем, Кушель, Арсеньева, воюки бригады “Беларусь” и другие преступники и отщепенцы не отказались от мечты вернуться на белорусскую землю в надежде “отомстить Советам”.

Некоторые же реабилитаторы Арсеньевой утверждают, что “памылковасць сваёй грамадзянскай пазіцыі паэтка усведамляла на эміграцыі”. Свежо предание. Не было и публичного искреннего покаяния...

К слову, Франтишек Кушель — автор статей по военной истории Беларуси, как сказано в энциклопедиях, весьма компетентный автор. Судите сами: в 1941-м руководил полицейской школой в Минске, потом курсами переподготовки офицеров-полицаяев. С марта 1944 г. он — шеф главного командования Белорусской Краёвой Обороны, той самой, где служил “писатель” Кастусь Акула (Аркадий Качан), герой 30-й гренадерской дивизии СС “Беларусь”, “осчастлививший белорусскую зарубежную литературу” толстенным романом. Именно Кушель командовал полициями, учинившими кровавую резню 7 ноября 1941 г. в Минском гетто. Ученики Кушеля вместе с немцами уничтожили тогда 8 тыс. евреев [29].

Герой национал-либералов — это кровавый прислужник оккупантов Борис Рогоуля, возглавивший карательный батальон на Новогрудчине и награжденный за заслуги перед рейхом железным крестом II класса. Когда понял, что “Гитлер капут” — драпанул на Запад. Оставил жизнеописание “Жыццё пад агнём” (по сути — анатомия предательства). Исполнял обязанности вице-президента БНР, расположенной на его кухне в Канаде. Не без “литературного” вклада в борьбу с собственным народом остался и Михась Ганько — руководитель профашистского “Союза Беларускай Моладзі”. Это и Ефим Киппель — верный соратник и “идеолог” оккупированного режима, с разрешения СД подготовивший специальную лекцию “Расовое учение”. А Юрка Витьбич — один из главных пропагандистов антисемитизма и верного служения “Новой Эўропе” во главе с Гитлером — чего стоит. “Шакалы бродят по лесам”, — писал он в статье о партизанах, требуя уничтожить всех антифашистов и евреев. И таких иуд пытаются канонизировать, публикуя хвалебные материалы в “демократических” журналах и газетах.

* * *

Рассматриваемая проблема не только научная. Но и правовая, и морально-этическая. Долго можно развенчивать лжелитераторов и мемуаристов. Однако думается, что если равнодушно взирать на подобные околонучные и литературные описания, то в скором времени написанное будет ещё более циничным, абсурдным и бесстыдным, почвой для лучшего распространения лжи о нашем трагическом прошлом. Заслуживаем ли мы, белорусы, таких издевательских экспериментов над нами и нашими потомками?

Отпор злопыхателям должен давать каждый из нас. Мы, родившиеся после войны, как ни прискорбно признать, часто оказываемся бесчувственными и неблагодарными. А ведь это видят и перенимают наши дети. Неудивительно, что для многих нынешних подростков война — это лишь не очень интересный материал, который выучил, ответил и забыл.

Допустить этого нельзя.

Возьмем для наглядности недавний пример из жизни Америки — “цитадели демократии”. В 2001 г. высокопоставленного сотрудника ФБР Роберта Хансена окружной суд США признал виновным в шпионаже в пользу России. Вместо полагающегося в таких случаях смертного приговора осужденный получил пожизненное заключение без права помилования. Многолюдных пикетов и митингов с участием людей, осуждающих Хансена, прошло в Штатах немало. В глазах американцев Хансен — предатель, враг Америки и заслуживает смерти. А нам навязывают жить по Акуле, Кушелю, Езовитову?

Задумаемся над этим вопросом Германа Москаленко, обращенным к нашим соотечественникам в публикации под красноречивым названием “Имен иуд так мало сохранилось, но надо помнить и о них” [30], и отдадим должное логической и фактологической точности автора.

Может быть, в этом стоит поучиться у норвежцев? Гамсуна считают крупным писателем, но за то, что он воспел Гитлера, дружно презирают. А у нас кое-кто закрывает глаза на правду, не хочет замечать, каких дров наломали при немцах “пісьменнікі нацыянальнага адраджэння”. Так вот, с правовой стороны всё понятно, фашизм осужден Международным трибуналом в Нюрнберге, все, кто сотрудничал с фашистами — преступники. Всё остальное — опять же попытки выдать черное за белое.

Да и с морально-этической стороны вопроса тоже всё ясно. Просто отдельные взрослые дяди прикидываются детьми неразумными, пытаются узаконить то, что само поставило себя вне общества.

Да, мы знаем творчество норвежского писателя лауреата Нобелевской премии Кнута Гамсуна. Но мы тоже знаем, что Норвежский государственный трибунал осудил уже дряхлого старика на пожизненный домашний арест за *сотрудничество с гитлеровцами*. И тысячи норвежцев после суда несли к дому именитого коллаборанта его книги и с отвращением бросали их через забор. Поэтому судьба предателей у всех народов была одна – презрение, и никак по-другому, какими бы благовидными предложениями (в нашем случае – стремления возрастить и усилить зародыши белорусского самоуправления под немецкой оккупацией; построить основы белорусского административно-управленческого аппарата) преступные деяния ни прикрывались. Ведь в итоге – неизбежная фашизация, апологетика гитлеризма. Поэтому так мало имён иуд сохранилось в истории, ибо воспитывают на подвигах героев.

Продолжая тему, Наталья Голубева отмечает особенности отечественного коллаборационизма. “Когда анализируешь, что же удалось сделать борцам за национальную независимость в период немецкой оккупации, убеждаешься, сколь высокую цену должен был заплатить белорусский народ за те более чем скромные меры, которые позволило осуществить немецкое командование на оккупированной территории. В период с 1942-го по 1943 год на оккупированной территории начали создаваться четырёхлетние и семилетние белорусские школы. Всего их было создано в Минской округе – 642, Глубокской округе – 484, Барановичской округе – 425, Вилейской округе – 420, Лидской округе – 405. О высшем образовании вопрос вообще не стоял, да и сама система образования вскоре просто развалилась из-за её ненужности оккупационным властям [31].

Как свидетельствуют документы, лидеры “национального возрождения” оставались верными своей идеологии даже тогда, когда уже всему миру было ясно, что такое фашизм, тогда, когда его осудило всё цивилизованное человечество. Об этом свидетельствует и Второй Всебелорусский съезд, собравшийся в июне 1944 г. в Минске, тогда, когда советские войска находились уже у Минска, и письмо Василия Захарки, председателя рады БНР, который в 1943 г., будучи больным, передаёт свои полномочия Ларисе Гениюш – известной поэтессе, которую назначает секретарем Рады БНР и которую делает доверенной во всех своих делах, а также Николаю Абрамчику, назначая его председателем Рады БНР. Им двоим он завещает “...выконваць абавязкі ў духу беларускай дзяржаўнай незалежнасці” [32].

Сегодня возвращаются в отечественную культуру, искусство, литературу имена из эмигрантского зарубежья, патриотов своей родной земли. Это чаще всего люди с трудной судьбой, но и в лихие моменты не порывавшие с Родиной. Творчество эмигрантов-писателей требует объективного изучения и неискаженной оценки. Но, напомним, речь идет не просто о писателях, прямо или косвенно принадлежавших БНР – несбывшейся мечте белорусских буржуазных националистов в период оккупации Беларуси кайзеровской Германией в 1918 г., или БЦР – марионеточному “правительству” белорусов, сформированному генеральным комиссаром “Белорутении” Готтбергом и двумя его помощниками в 1943 г., теперь уже в период оккупации Беларуси гитлеровской Германией. Во время Великой Отечественной войны известная группа литераторов “плодотворно” сотрудничала с захватчиками белорусской земли (по убеждению “съядомых” – коллаборантов – “освободителями”). “Апраўданыя людзям з таго боку фронту Вялікай Айчыннай вайны не можа быць. Міласэрнасць і дараванне яны могуць заслужыць публічным шчырым пакаяннем. Праўда ў той вайне належыць і вечна павінна належыць нам адным”, – такое мнение высказывает В. Колесник (См.: Советская Белоруссия, 1990, 14 сентября), и с этим мнением трудно не согласиться. Впрочем, был некогда опубликован один замечательный документ, адресованный коллаборантам, под названием “Не вам беларусамі звацца” за подписями:

Рыгор Барадулін, Генадзь Бураўкін, Васіль Быкаў, Анатоль Вярцінскі, Ніл Гілевіч, Іван Пташнікаў, Барыс Сачанка, Іван Чыгрынаў.

(См.: Политика, позиция, прогноз. Выпуск № 2 (18), 1992 г.)

Следует также отметить, что в СССР по сравнению с другими европейскими странами отношение к коллаборантам было достаточно лояльным. Например, в Норвегии на 4,5 млн жителей за сотрудничество с фашистами было осуждено 100 тыс. человек, 1 тыс. расстреляно. Во Франции всех, кто прислуживал фашистам, лишили гражданства. Аналогичные меры были приняты

в Дании, Голландии [33]. В СССР же степень вины определялась по принципу причастности к репрессиям в отношении мирных жителей. Поэтому многие из тех, кто славил фашистский режим, понеся различные наказания, продолжали вынашивать мечту о национально независимом белорусском государстве в духе прежних концепций, которая через десятилетия возвратилась к нам в призывах к признанию национальной исключительности белорусской нации, к государственному устройству по принципу доминирования титульной нации, иными словами, к национализму и шовинизму. И в этой ситуации, как не раз бывало в истории, *белорусская нация проявила политическую зрелость и мудрость, оставаясь верной принципам интернационализма и толерантности.*

В заключение скажем: “Сделавшие ставку на Германию, фашизм, вооруженную борьбу против СССР в своих расчетах и намерениях ошиблись. Большая часть белорусского народа не восприняла ни их организационные усилия, попыток претендовать на роль национальных лидеров, ни их идей, пропаганды. Весьма широкие слои населения Беларуси проявили себя в это время сторонниками советского строя, “советской идеи”, вели эту борьбу. В глобальном масштабе бесперспективность и крах коллаборации определялись развитием событий на фронтах войны” [34]. Под такими словами ученого-историка В. И. Кузьменко, на наш взгляд, подпишется любой здравомыслящий исследователь. Для подавляющего большинства образованных людей чувство Родины, принадлежности к земле, где родился и вырос, оказалось сильнее личных обид и позволило сделать выбор, единственно правильный для всего уважающего себя народа.

Память – понятие скорее не материальное, а оттого более хрупкое. Если разрушенный временем или людьми памятник можно отреставрировать, то злонамеренные слова и писания, целеустремленно и методично разрывающие души, сталкивают между собой целые народы, и противостоять этому можно лишь, повторимся, всем вместе. Мы не можем забыть того, что в период Великой Отечественной войны уничтожали наших людей физически и морально не только немецко-фашистские захватчики, но и их приспешники разных национальностей. История подобного не прощает! И поэтому помнить об этом надо: “Никто не забыт и ничто не забыто!”

Литература

1. См.: Кузьменко В. И. Интеллигенция в агитационно-массовой работе советского партизанского движения на оккупированной территории Беларуси (1941–1944 гг.) / В. И. Кузьменко // Старонкі ваеннай гісторыі Беларусі. Вып. 2. Мн., 1998, с. 190–216.
2. См.: Литвин Алексей. Беларуская Краёвая Оборона. К вопросу о создании белорусского национального войска в годы Второй мировой войны / Алексей Литвин // Нёман, 1994, № 4 (спецвыпуск), с. 176.
3. См.: Ostrowski R. Fragments from historie Byelorus. London, 1957; Другі Усебеларускі Кангрэс, сабр. і апр. на падставе пратакол., запісаў каміс. БЦР пад рэд. Р. А. Астроўскага. Мюнхен, 1954; За Дзяржаўную Незалежнасць Беларусі: Дакументы і матэрыялы сабраны і падрыхтаваны для публікацыі і. Касяком. Лёндан, 1960; Акула К. Дорогами борьбы: Фрагм. романа “Змагарныя дарогі”: Гитлеровская оккупация Беларуси в 1941–1944 гг. // Нёман. 1993. № 2. С. 22–66; Акула К. Змагарныя дарогі. Мн., 1994; Вініцкі А. Матэрыялы да гісторыі беларускай эміграцыі ў Нямеччыне ў 1939–1951 гадах. Мн., 1994; Геніюш Л. Сповідзь. Мн., 1993; Калубовіч А. Крокі гісторыі: даследаванні, артыкулы, успаміны. Беласток; Вільня; Менск, 1993; Кіпель Я. Эпізоды. Нью-Ёрк, 1998; Кіпель В. Беларусы у ЗША. Мн., 1993; Кушаль Ф. Спробы арганізацыі беларускага войска пры нямецкай акупацыі Беларусі // Беларускі гістарычны агляд. 1994. Т. 1. Сш. 1; 1995. Т. 2. Сш. 2; 1997. Т. 4. Сш. 1–2; 1998. Т. 5. Сш. 1 (8); Кушаль Ф. Спробы стварэння беларускага войска. Мн., 1999; Найдзюк Я., Касяк І. Беларусь учора і сёння: папулярны нарыс з гісторыі Беларусі. Мн., 1993, и др.

Понятно, что данные работы требуют внимательного, критического подхода. Эти авторы, потерпевшие поражение в схватке (со всем своим жизненным кредо), естественно, не могут не лгать – их ложь хоть как-то приподнимает их над своим позором. Тем не менее мы должны учитывать и то, что отдельные факты

- и сообщения, которые имеются в мемуарах бывших участников событий, не только в значительной степени дополняют архивные, но подчас являются, пожалуй, разве не единственным источником.
4. Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология, проявления в годы Второй мировой войны / М. И. Семиряга. – М.: РОССПЭН, 2000, с. 471.
 5. См.: Кузьменко В. И. В сотрудничестве с фашизмом: интеллигенция в белорусской коллаборации (1941–1945 гг.) / В. И. Кузьменко // Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: стан і перспектывы даследавання праблемы. Матэрыялы “круглага стала”. – Мінск, 22 лістапада 2002 г. – Мінск, інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2005, с. 124.
 6. Там же, с. 125.
 7. Найдзюк Я., Касяк І. Беларусь учора і сёння. Папулярны нарыс з гісторыі Беларусі / Я. Найдзюк, І. Касяк // Мн., 1993, с. 237–238.
 8. Там же, с. 258.
 9. Литвин Алексей. Белорусская Краёвая оборона..., с. 173.
 10. Там же.
 11. Цит. по: Егорычев В. Е. История в событиях и лицах. Взгляд через призму времени / В. Е. Егорычев. – Гродно, 2006, с. 66.
 12. Там же.
 13. См.: Кузьменко В. И. В сотрудничестве с фашизмом: интеллигенция в белорусской коллаборации (1941–1945 гг.)..., с. 130.
 14. Там же, с. 130–131.
 15. Там же, с. 131.
 16. Цит. по: Егорычев В. Е. Что-то с памятью нашей стало... Критические заметки по вопросам отечественной истории / В. Е. Егорычев; науч. ред. В. А. Неделько. – II изд. – Лида: Лид. тип., 2005, с. 120.
 17. Там же, с. 121.
 18. Там же.
 19. Там же, с. 121–122.
 20. Жумарь С. В. Оккупационная периодическая печать на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (на материалах белорусскоязычных изданий). Дисс... канд. ист. наук. Мн., 1996, с. 65.
 21. См.: Кузьменко, В. И. В сотрудничестве с фашизмом: интеллигенция в белорусской коллаборации (1941–1945 гг.)..., с. 132.
 22. Там же.
 23. См.: Сачанка Б. Белорусская эмиграция / Б. Сачанка // Мн., 1991, с. 50.
 24. См.: Юрэвіч Л. Літаратурны рух на эміграцыі / Л. Юрэвіч // Мн., 2002; Пашкевіч, А. Зваротны дарогі. Проза беларускай эміграцыі XX стагоддзя / А. Пашкевіч // Беласток, 2001; Туронак Ю. Беларуская кніга пад нямецкім кантролем (1939–1944) / Ю. Туронак // Мн., 2002.
 25. См.: Кузьменко, В. И. В сотрудничестве с фашизмом: интеллигенция в белорусской коллаборации (1941–1945 гг.), с. 135.
 26. См.: Без гнева и пристрастия / Советская Белоруссия. – 2010. – 22 января.
 27. См.: Степаненко Олег. Лакеи в чужом предбаннике / Олег Степаненко // Правда. – 2001. – 10–11 июля.
 28. См.: Егорычев В. Е. История в событиях и лицах: (Взгляд через призму времени) / В. Е. Егорычев. – Гродно, 2006, с. 73.
 29. Москаленко Герман. Имён иуд так мало сохранилось, но надо помнить и о них / Герман Москаленко // 7 дней. – 2004. – 8 мая.
 30. Голубева Наталья. Коллаборанты. За какую “дзяржаўную незалежнасць” они ратовали? / Наталья Голубева // Рэспубліка. – 2004. – 14 ліпеня.
 31. Егорычев В. Е. История в событиях и лицах: (Взгляд через призму времени) / В. Е. Егорычев. – Гродно, 2006, с. 74–75.
 32. Там же.
 33. Кузьменко В. И. В сотрудничестве с фашизмом: интеллигенция в белорусской коллаборации (1941 – 1945 гг.)..., с. 139.